

С. С. Вабищевич*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ

Рассматриваются отдельные правовые конструкции, опосредующие участие третьих лиц в исполнении обязательств: возложение исполнения обязательства должника на третье лицо, исполнение обязательства по инициативе третьего лица. Анализируется место возложения исполнения обязательства на третье лицо в системе смежных правовых конструкций (перевод долга, зачет встречного требования); определяется правовая природа отношений, возникающих в связи с добровольным исполнением обязательства должника третьим лицом.

Ключевые слова: исполнение обязательства, должник, кредитор, третье лицо, перевод долга, взаимозачет, имущество, однородность обязательств

В связи с качественным и количественным усложнением экономических отношений личный характер обязательства уступил место имущественному содержанию, в результате чего «обязательство... само сделалось объектом оборота»¹. Однако оборот обязательств означает не передачу требований и долгов, а перемену активного и (или) пассивного субъекта обязательственного правоотношения посредством использования таких институтов гражданского права, как делегация, активная или пассивная цессия.

В интересах участников экономического оборота Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК) закрепил также возможность исполнения обязательства не самим должником, а третьим лицом, т. е. лицом, не являющимся стороной обязательства, в рамках которого должник принял на себя подлежащую исполнению обязанность. Управомочивающие нормы ст. 313 ГК устанавливают, во-первых, право должника передать исполнение третьему лицу, во-вторых, право третьего лица удовлетворить требование кредитора без согласия должника.

Рассмотрим первый вариант участия третьих лиц в исполнении обязательства. В результате возложения исполнения обязательства на третье лицо обязанность, возникшую, например, на основании договора, исполняет не сторона договора, а третье лицо, т. е. должник и лицо, совершающее фактически действия в пользу кредитора, не совпадают. Подобное несоответствие может быть и в результате перевода долга (ст. 391 ГК), в связи с чем сравнительный анализ и поиск отличий указанных конструкций приобретает научный и практический смысл.

Перевод долга осуществляется посредством заключения договора, в соответствии с которым прежний должник переносит свою обязанность (элемент обязательства) на другое лицо – нового должника, который в свою очередь принимает эту обязанность на себя, а также обязуется перед прежним должником исполнить ее в пользу кредитора. Следовательно, правовая суть перевода долга – изменение субъектного состава обязательства, т. е. замена первоначального должника. Передача исполнения третьему лицу не влечет изменения субъектного состава договорного обязательства, а это означает, что обязанным перед кредитором по-прежнему остается должник, третье лицо лишь фактически исполняет его обязанность – полностью или частично. В связи с этим вполне закономерно представляются положения ст. 403 ГК о том, что по общему правилу за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых оно было возложено, ответственность несет должник, в частности процен-

* Вабищевич Светлана Степановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Российского государственного социального университета (Беларусь, Минск). E-mail: vcc@tut.by.

ты, предусмотренные ст. 395 ГК, взыскиваются не с этих лиц, а с должника, на тех же основаниях, что и за собственные действия. Исключение из этого правила установлено, например, ст. 866 ГК.

Как отмечалось, перевод долга – это договор. Можно ли рассматривать возложение исполнения обязательства на третье лицо как договор между этим лицом и должником? Поскольку конститутивный признак договора как разновидности двусторонней (взаимной) сделки – это совпадение волеизъявления сторон в требуемой форме, возникает вопрос: требуется ли для возложения должником исполнения обязательства на третье лицо согласие последнего? В соответствии с распространенной в юридической литературе точкой зрения чаще всего такой способ исполнения обязательства применяется при так называемых транзитных поставках, субподряде, субаренде, субкомиссии, перевозках грузов в прямом и смешанном сообщении². Более того, в п. 3 ст. 706 ГК содержится прямая отсылка к п. 1 ст. 313 ГК. Особенностью перечисленных ситуаций является то, что третье лицо, исполняя обязанность должника перед кредитором, одновременно исполняет свою обязанность перед должником, вытекающую из заключенного между ними договора. Например, по договору субподряда субподрядчик, исполняя обязанности генподрядчика (должника) перед заказчиком (кредитором), вытекающие из договора подряда, одновременно исполняет свои обязанности перед генподрядчиком (кредитором), возникшие на основе договора субподряда, действуя при этом также в качестве должника.

Как показывает правоприменительная практика, возложение исполнения обязательства на третье лицо возможно и на основании соглашения, из которого следует согласие третьего лица исполнить обязательство за должника. Кроме того, должник может обратиться к третьему лицу с предложением осуществить исполнение его (должника) обязательства, однако в этом случае третье лицо в соответствии с общими правилами о заключении договора имеет право, а не обязанность принять такое предложение, даже будучи должником отправителя письма³. Следовательно, в основе исполнения обязательства должника третьим лицом лежит соглашение между указанными субъектами, что характерно, как отмечалось выше, для перевода долга. Однако перевод долга возможен только при условии предварительного или последующего согласия кредитора, что не требуется при возложении исполнения обязательства на третье лицо. Более того, в силу п. 1 ст. 313 ГК кредитор не имеет права отказаться от принятия исполнения третьим лицом, поскольку «возложение исполнения на третье лицо имеет абстрактный характер, т. е. его действительность не связана с наличием и действительностью отношений, объясняющих, почему вдруг третье лицо согласилось исполнить обязательство за должника»⁴. В этом случае необходимо также соблюдать требования п. 1 ст. 313 ГК о личном исполнении обязательства должником, когда это вытекает из законодательства, условий обязательства или его существа.

Исполнение обязательства третьим лицом следует отличать также от одностороннего прекращения обязательств зачетом однородного требования. Условия, при которых допустим взаимозачет требований, перечислены в ст. 410 ГК. Так, требования, прекращаемые зачетом, должны быть: 1) встречными, 2) однородными, а 3) срок обязательства, которое идет в зачет (встречное обязательство), должен наступить либо быть не указанным или определенным моментом востребования.

Встречная направленность зачитываемых требований означает, что должник как инициатор зачета направляет свое требование непосредственно против кредитора – должника по встречному обязательству. При исполнении обязательства третьим лицом встречные обязательства отсутствуют.

Приведем пример, помещенный Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в обзор судебной практики, посвященный зачету. Акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с кооператива платы за поставленный товар.

Ответчик иск не признал, сославшись на прекращение обязательства по оплате товара зачетом встречного однородного требования. В судебном заседании было установлено, что до возбуждения производства по делу кооперативом (ответчиком) был заключен договор займа с предпринимателем. Предприниматель, получив сумму займа и имея денежное требование к акционерному обществу (истцу), возложил на это общество исполнение своего обязательства по возврату займа займодавцу (п. 1 ст. 313 ГК), о чем сообщил письмом кооперативу. Кооператив по договору должен был оплатить акционерному обществу поставленный товар, но, полагая, что у него с наступлением срока возврата займа появилось право требования возврата суммы займа с акционерного общества, направил последнему письмо о зачете встречного однородного требования, в результате чего, по мнению ответчика, его обязательство по оплате полученного товара прекратилось (ст. 410 ГК).

Арбитражный суд доводы ответчика о зачете обоснованно отклонил, а иск удовлетворил. При этом было указано, что возложение исполнения обязательства не представляет собой перемены лица в обязательстве, ибо не является переводом долга (ст. 391 ГК). У акционерного общества (истца) не возникло обязательства перед кооперативом (ответчиком). Лицом, обязанным возвратить заем кооперативу, продолжает оставаться предприниматель (заемщик). Основания для прекращения обязательства по оплате товара зачетом у кооператива отсутствуют, так как у него нет встречного требования к акционерному обществу⁵.

Однородность обязательств означает, что и основное, и встречное требования имеют однородные основание (договор, причинение вреда, неосновательное обогащение) и предмет (деньги, определенный товар и т. д.), т. е. речь идет о юридической и предметной однородности, хотя в последнем случае допускается возможность несовпадения сумм зачитываемых обязательств (ст. 410 ГК). Подобное требование к обязанности должника, исполняемой третьим лицом, и возможной обязанности третьего лица перед должником ГК не предъявляет, впрочем, как и требование о наступлении срока исполнения. Еще одно отличие возложения исполнения обязательства на третье лицо от зачета встречных требований заключается в том, что во втором случае имеет место односторонняя сделка, т. е. достаточно заявления одной стороны (должника).

Таким образом, возложение исполнения обязательства на третье лицо — это самостоятельная правовая конструкция в системе обязательственного права, для реализации которой необходимо соглашение между должником и третьим лицом (единственный признак, присущий одновременно и переводу долга — одному из вариантов перемены лиц в обязательстве). В то же время фактические действия третьего лица, совершенные в точном соответствии с исходным обязательством, приводят к полному или частичному прекращению этого обязательства посредством исполнения, что является естественным основанием прекращения обязательства. На достижение таких же правовых последствий направлен зачет встречного требования как способ прекращения обязательств по волеизъявлению одной из сторон. Аналогичные правовые последствия — также единственный признак, сближающий передачу исполнения обязательства должника третьему лицу и взаимозачет.

Второй вариант исполнения обязанности должника третьим лицом, предусмотренный нормой п. 2 ст. 313 ГК, направлен на защиту интересов самого третьего лица: третье лицо, подвергающееся опасности утратить свое право на имущество должника (право аренды, залога и др.) вследствие обращения кредитором взыскания на это имущество, может за свой счет удовлетворить требование кредитора без согласия должника.

Отличительная черта данного способа исполнения обязательства — отсутствие необходимости получить предварительное согласие или последующее одобрение не только кредитора, но и должника: к третьему лицу переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 382–387 ГК. При этом норма п. 2 ст. 313 ГК закрепляет лишь

одно основание для реализации рассматриваемого права третьего лица – опасность утратить свое право на имущество должника – и в качестве примеров приводит право залога и право аренды. Однако право залога по общему правилу, как следует из п. 2 ст. 345 ГК, при прекращении по основаниям, установленным законодательством, права собственности на предмет залога или права хозяйственного ведения, сохраняется. Согласно п. 1 ст. 617 ГК переход права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения) на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды. Применительно к положению ст. 617 ГК окружной суд Москвы указал, что данное положение ГК не запрещает изменять или прекращать договор аренды по предусмотренным законом или договором иным основаниям, чем переход права собственности на арендованное имущество к другому лицу, в том числе с учетом интересов нового собственника. По мнению суда, опасность для третьего лица утратить право на имущество должника связана уже с самим фактом обращения взыскания на это имущество⁶.

В то же время рискует потерять свое имущество третье лицо, выступившее залогодателем, т. е. передавшее свое имущество в залог для обеспечения исполнения обязательства должника (п. 1 ст. 335 ГК), учредитель унитарного предприятия при обращении взыскания на имущество, принадлежащее должнику – унитарному предприятию (п. 5 ст. 113 ГК).

В случаях, когда опасность утратить право на имущество должника отсутствует, предъявленное к последнему требование кредитора третье лицо может удовлетворить лишь с согласия должника либо при условии последующего одобрения. В частности, этот вывод применим к совершению дарения посредством исполнения за одаряемого его обязанности перед третьим лицом, возможность которого допускается п. 1 ст. 572 ГК.

Правовая природа отношений, возникающих в связи с добровольным исполнением обязательства должника третьим лицом, не имеет единой квалификации в юридической литературе. Более того, в большинстве случаев подобный вопрос в принципе не поднимается. Так, по мнению А. Е. Суханова, применительно к п. 2 ст. 313 ГК РФ «речь следует вести не об исполнении обязательства третьим лицом, а об одной из форм замены участвующего в нем кредитора»⁷.

М. В. Кротов, рассматривая вопрос об участии третьих лиц в обязательстве, удовлетворение требований кредитора третьим лицом за его счет без согласия должника также расценивает как перемену лиц в обязательстве⁸, однако на следующей странице, разбирая вопрос о перемене лиц в обязательстве, указывает, что «в отличие от участия третьих лиц в исполнении обязательства, где кредитор и должник *не выбывают из обязательства* (выделено мной. – С. В.), возможны случаи, когда происходит замена кредитора или должника. Такие ситуации именуется переменой лиц в обязательстве»⁹.

Вывод о том, что исполнение обязательства должника третьим лицом в собственном интересе влечет замену кредитора, хоть и не напрямую, но следует из рассуждений М. И. Брагинского. Однако далее ученый приводит не соответствующий сути описанных в п. 2 ст. 313 ГК отношений пример: «...когда в качестве третьего лица выступает субарендатор складского помещения, т. е. то лицо, которое пользуется этим помещением, состоя в обязательственных отношениях с арендатором... невнесение арендной платы арендодателю может повлечь за собой необходимость освобождения арендуемого помещения не только арендатором, но и субарендатором»¹⁰. Дело в том, что в комментируемом М. И. Брагинским п. 2 ст. 313 ГК в качестве основания удовлетворения требования кредитора третьим лицом без согласия должника названа опасность утраты третьим лицом права на имущество должника вследствие обращения кредитором взыскания на это имущество (выделено автором), а в приведенном примере речь идет о досрочном прекращении договора аренды и, как следствие, договора субаренды и не более того.

В другой работе М. И. Брагинский отмечает, что *последствием* удовлетворения требований кредитора третьим лицом без согласия должника служит суброгация¹¹, хотя указанный термин в норме ГК (имеется в виду п. 2 ст. 313 ГК) и не используется. В свою очередь, суброгация «страховщику прав кредитора к должнику, ответственному за наступление страхового случая» названа в ст. 387 ГК в числе обстоятельств перехода прав кредитора к другому лицу на основании закона, т. е. суброгация рассматривается как разновидность уступки требования, а норма п. 2 ст. 313 ГК указывает на применение норм о переходе прав к описанной в нем ситуации. Однако далее М. И. Брагинский со ссылкой на работу Е. Годэмэ пишет о необходимости разграничения цессии и суброгации по следующему в числе прочих (форма и ответственность) критерию: «При цессии цессионарий стремится приобрести право, принадлежащее cedentu, а при суброгации – вывести должников из обязательства, при этом приобретение права представляет собой способ, к которому прибег его приобретатель»¹². К сожалению, за рамками этих рассуждений остается вопрос о природе отношений между кредитором и третьим лицом.

В. А. Белов рассматривает отношения, складывающиеся в связи с исполнением обязательства третьим лицом в соответствии с п. 2 ст. 313 ГК, в качестве одного из договоров, направленных на перемену участников существующих относительных гражданских правоотношений, а именно договора уступки долга (цессии долга, пассивной цессии или интерцессии), определяя последний как «соглашение, по которому одна сторона (новый должник) принимает на себя обязанность перед другой стороной (кредитором) произвести исполнение определенного обязательства за третье лицо (должника), в то время как кредитор освобождает или обязуется освободить от обязанности старого должника»¹³. Фактически речь идет о договорном обязательстве между кредитором и третьим лицом, имеющим собственный интерес в исполнении обязательства должником. Следует признать, что никаких оснований для такого вывода норма п. 2 ст. 313 ГК не дает. Не случайно в ней содержится указание на применение к отношениям, складывающимся при исполнении обязательства третьим лицом, нормы ст. 382–387 ГК. В частности, ст. 387 ГК посвящена переходу прав кредитора на основании закона, т. е. основанием такого перехода служит указание ГК, а именно п. 2 ст. 313 ГК, но не соглашение, в соответствии с которым «кредитор освобождает или обязуется освободить от обязанности старого должника». Более того, если основанием исполнения обязательства третьим лицом признать соглашение между ним и кредитором, то первоначальный смысл рассматриваемой нормы – защита интереса третьего лица – будет утрачен.

Представляется, что в рассматриваемом случае возникает относительное правоотношение между кредитором и третьим лицом на основании сложного юридического состава: предшествующие действия третьего лица, в частности заключение договора с должником; намерение кредитора обратить взыскание на имущество, являющееся предметом указанного договора; законодательное признание за третьим лицом субъективного права за свой счет удовлетворить требование кредитора без согласия должника, которое (право) выступает встречным предоставлением за опасность утратить свое право на имущество должника; предложение предоставления третьим лицом. Следовательно, у кредитора возникает обязанность принять исполнение, предложенное третьим лицом.

Как отмечалось выше, исполнение обязательства должника третьим лицом в собственном интересе влечет замену кредитора, в связи с чем должник вправе зачесть против требований третьего лица свое встречное требование к первоначальному кредитору с соблюдением правил ст. 412 ГК.

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 240–241.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О. Н. Садилов. М., 1998. С. 562.

³ Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2009. С. 654.

⁴ Там же. С. 656.

⁵ Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований: Информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой. С. 658–659.

⁷ Гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2002. Т. 2. Полутом 1. С. 35.

⁸ Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 5-е изд. перераб. и доп. М., 2001. Т. 1. С. 523.

⁹ Там же. С. 524.

¹⁰ Гражданское право. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садилов. М., 2001. С. 599.

¹¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения: в 5 кн. 2-е изд., испр. М., 1999. Кн. 1. С. 476.

¹² Там же. С. 477.

¹³ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учеб. М., 2002. С. 455.